

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДЕЛУ ГУМИЛЕВА

Прокуратура СССР по ходатайству председателя правления Советского фонда культуры академика Д. С. Лихачева возвратилась к делу по обвинению русского поэта Н. С. Гумилева в участии в «Таганцевском заговоре».

Я ознакомился с материалами и читал это дело Н-1381. В нем более 100 страниц, значительную часть которых занимают письма, конфиденциальные при аресте Гумилева 3.08.1921 года. Письма, как мне пояснили, не содержат криминальной информации и, вероятно, скоро дождутся своих литературных исследователей, ибо принадлежат перу друзей поэта, деятелей культуры и искусства.

Страницы пронумерованы пером и карандашом, иногда наблюдается двойная нумерация. Судя по этому и другим признакам, к делу возвраща-

лись не раз, и, быть может, сегодняшнее его появление в Прокуратуре СССР будет последним.

В деле имеются показания В. Таганцева, который заявил, что однажды через посредников Ю. П. Германа и В. Г. Шведова (Вячеславского) предложил Гумилеву сотрудничество и для этой цели передал ему деньги и ленту для пишущей машинки для печатания прокламаций.

Однако Гумилев никаких действий не предпринял, прокламаций не писал, хотя и не донес властям о готовящемся заговоре. Но, зная Гумилева, можно смело утверждать, что ни в какой заговор он не верил, а деньги взял на хранение. Эти предположения подтверждаются также показаниями Гумилева, который сообщил допрашивающему его следователю Якобсону, что его посещал еще какой-то поэт Б. Верин, пытавшийся склонить его к разговорам о политике. Но Гумилев его не принял.

В дальнейшем В. Таганцев сообщил в своих показаниях: «Гумилев был близок к советской ориентации, стороной я услышал, что Гумилев весьма отходит далеко от контрреволюционных взглядов. Я к нему больше не обращался».

Но не только признания убежденного врага Советской власти позволяют сделать вывод, что Гумилев стал просто жертвой обстоятельств. Личность Гумилева, его литературные и научные труды, его вклад в культуру (в 33 года профессор!) никак не позволяют его считать врагом народа, ибо человек, сделавший столько полезного для страны, отечественной литературы, культуры, географии, дипломатии, этнографии, может быть народу только другом.

В деле имеется документ, датированный 24.08.1921 года: «Приговорить к высшей мере наказания — расстрелу».

И также ходатайство ряда деятелей культуры об освобождении Гумилева под их поручительство. Ходатайство подписали 6 человек, в том числе М. Горький, М. Лозинский, А. Волынский. Три подписи неразборчивы. Но это скорее всего Б. Харитон, И. Мазуркевич, А. Маширов. К сожалению, оно передано было в ЧК 4.09.1921 года, когда уже было поздно. По номеру регистрации можно, вероятно, установить, почему оно опоздало.

Мы столько раз без суда и следствия репрессировали, что давайте один раз без суда и следствия реабилитируем. У нас, у нашей эпохи есть шанс: великодушно простить великого гуманиста, учителя, поэта, наконец, наивного человека, в анкете, в графе «политические убеждения», написавшего своим детским почерком — «аполитичен».

Не хочется верить, что мы упустим этот шанс.

Сергей ЛУКНИЦКИЙ,
зав. отделом Советского
фонда культуры.